Шишко

Беседы о земле

3 экз

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЦГ2
Ш 638

Б. 2053
Шишко, Л. Э
ЦГ2
Ш638
Шишко. Л. Э.
Беседы о земле.
3 экз.

БЕСѢДЫ О ЗЕМЛѢ.

ИЗДАНІЕ
Соціалистической Лиги.

Цѣна 10 с.

ЖЕНЕВА.
Acacias Rue des Usines 22.
1901

U. S. S. R.

Б. 2053
Шишко, Л. Э
X

БЕСѢДЫ О ЗЕМЛѢ.

ЦГ2
Ш638

ИЗДАНІЕ
Аграрно-Соціалистической Лиги.

Цѣна 10 с.

ЖЕНЕВА.
Acacias Rue des Usines 22.
1901

БЕСѢДЫ О ЗЕМЛѢ.

К.

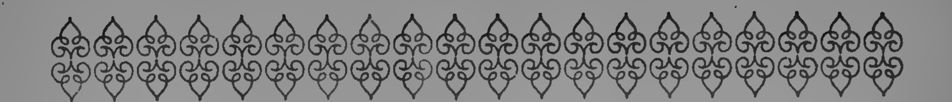
ЦГ2
Ш638

Библиотека
ИМЭЛ

Ц11893 З/у

2010

Бесѣды о землѣ.

I

Въ деревнѣ Липовкѣ Полтавской губерніи, сосѣдній помѣщикъ пересталъ отдавать землю крестьянамъ въ аренду, а захотѣлъ самъ вести хозяйство наемными рабочими. Крестьяне, у которыхъ, какъ это водится на Руси, своей земли не хватало, пришли въ ужасъ. Что дѣлать? Какъ дальше жить? Пошли къ помѣщику просить земли: „Сдѣлайте милость, панъ, дайте хоть на яровой хлѣбъ; мы будемъ платить по прежнему."

— „Не могу, братцы. Я самъ знаю что вамъ трудно обойтись безъ моей земли; да мнѣ не выгодно; я больше получу при своей обработкѣ."

— „Да что же вы насъ притѣсняете!" послышались голоса: „вѣдь намъ не прожить безъ аренды."

— „Чѣмъ же я васъ притѣсняю, братцы? Вѣдь я вашего не трогаю. Я только распоряжаюсь своимъ добромъ, какъ мнѣ лучше; какая же тутъ обида"?

Мужики не знали, что отвѣтить. „Такъ-то оно такъ," соглашались они; „только вѣдь и намъ безъ земли плохо."

Былъ въ этой деревнѣ земскій учитель, пожалѣв-

шій крестьянъ; пошелъ и онъ къ помѣщику уговаривать его согласиться на просьбу мужиковъ; указывалъ ему на крестьянскую бѣдность.

— „Ну чѣмъ-же я виноватъ, что они бѣдны?“ отвѣтилъ помѣщикъ. „Посудите сами: вѣдь мнѣ будетъ убытокъ, если я пущу землю въ аренду, а у меня расходы большіе. Ужъ лучше я имъ дамъ по рублю, коли они такъ бѣдны, а земли дать не могу.„

Учитель тоже не зналъ, что отвѣтить на это. Земля помѣщика. Помѣщикъ чужого не трогаетъ, а только распоряжается своимъ добромъ. Въ той же деревнѣ одинъ крестьянинъ имѣетъ до восемнадцати десятинъ земли, и онъ распоряжается ею, какъ хочетъ. Всякій распоряжается своимъ добромъ. У одного тысяча десятинъ, а у другого восемнадцать.

Но въ той же деревнѣ у тридцати четырехъ дворовъ только по четверти десятины, да по десятинѣ съ четвертью; а у тридцати двухъ дворовъ и вовсе нѣтъ полевой земли: одна усадебная. Какъ же тутъ быть? Какъ разсудить это дѣло? Кто правъ и кто виноватъ? Помѣщикъ говоритъ, что онъ правъ, потому что чужого не трогаетъ, а распоряжается своимъ добромъ; но вѣдь и мужики правы, потому что безъ земли имъ приходится умирать съ голода, безъ земли имъ никакъ нельзя прожить.

— „Ну, пускай идутъ работать къ помѣщику“, скажутъ умные люди, „пускай нанимаются къ нему въ работники.“

Это мужики и сами понимаютъ; но дѣло въ томъ, что помѣщикъ завелъ у себя машины; ему нужны прибавочные работники не со всѣхъ шестидесяти шести малоземельныхъ дворовъ, а всего человѣкъ двадцать пять; да и тѣмъ онъ назначилъ такую плату, что развѣ самому одѣться да подати внести; семью же прокормить трудно; а куда же дѣнутся

всѣ прочіе; Да и то еще надо сказать умнымъ людямъ, что работать на помѣщика, это не значитъ быть вольнымъ землепашцемъ. Крестьяне, когда были крѣпостными, работали на помѣщиковъ; а теперь они стали вольными; значитъ имъ надо имѣть свою собственную землю; иначе имъ приходится опять поступать въ кабалу: одни пойдутъ работать на помѣщика, другіе пойдутъ на фабрику работать на фабриканта, а третьи будутъ просто пропадать съ голода, проклиная свою каторжную жизнь. Какая же это воля?

Выходитъ, слѣдовательно, такъ, что крестьяне правы, потому что безъ земли имъ все равно, что не жить на бѣломъ свѣтѣ. Положимъ, что ихъ не убиваютъ на смерть съ одного удару; но такъ или иначе, а все же укарачиваютъ ихъ вѣкъ, сживаютъ ихъ со свѣта тяжелой работой, плохой пищей, а то и прямо голодомъ. Развѣ мы не знаемъ, какъ по деревнямъ мрутъ люди отъ бѣдности и молоземелья? Какъ же мужикамъ не добиваться земли у помѣщиковъ? Вотъ они и приходятъ къ богатому землевладѣльцу, просятъ у него земли хоть въ аренду; а тотъ говоритъ, что ему такъ невыгодно, что онъ хочетъ нанимать батраковъ и вести самъ хозяйство. Земля-де его собственная, и онъ можетъ распоряжаться ею, какъ ему лучше. А расходы у него большіе. Ему на одни женины платья нужно сотенъ семь-восемь въ годъ, да и мало-ли у него расходовъ? Вѣдь онъ живетъ не по мужичьи; ему одинъ обѣдъ обходится рублей въ десять въ день.

Поэтому богатый помѣщикъ тоже думаетъ, что онъ правъ. Вѣдь онъ *чужого* не трогаетъ, а только распоряжается *своимъ* добромъ.

Ну, а вы какъ думаете, добрые люди? правъ онъ или неправъ?

Вотъ въ Херсонской губерніи живетъ богатый землевладѣлецъ — у того тысячъ двадцать десятинъ — такъ онъ разсчиталъ, что ему выгоднѣе не пахать землю, а разводить на ней овецъ, а потомъ сбывать въ чужія страны мясо и шерсть. Онъ всѣхъ своихъ арендаторовъ согналъ съ земли и всѣхъ рабочихъ отпустилъ; оставилъ только десятка два пастуховъ, да объѣздчиковъ держитъ. Большіе доходы сталъ получать и хлопотъ меньше. Этотъ овцеводъ тоже говоритъ, что онъ правъ. Вѣдь земля его собственная, а до крестьянъ ему дѣла нѣтъ. Пусть ищутъ работы у другихъ землевладѣльцевъ, А другіе землевладѣльцы такъ даже рады: больше голоднаго народа, легче найти дешевыхъ работниковъ. А будь-ка у крестьянъ своя земля, такъ кто же пошелъ-бы тогда работать на нихъ-то, на богатыхъ землевладѣльцевъ? Какія бы цѣны заломило тогда мужичье! А теперь вотъ сами идутъ, да еще кланяются: только сдѣлай милость, прими на работу хоть изъ-за куска хлѣба. Ясно, значитъ, что для землевладѣльцевъ прямая выгода сгонять мужиковъ съ земли и откармливать на ней овецъ или еще какую скотину. И отчего же имъ не дѣлать этого? Вѣдь земля ихъ собственная? Не такъ-ли?

Такъ-то оно такъ, думаютъ про себя мужики; а все же какъ будто и не такъ. По крайней мѣрѣ, сосѣдніе крестьяне считаютъ этого овцевода своимъ лиходѣемъ; многихъ людей онъ подвелъ подъ большую нужду; у многихъ даже вѣку убавилъ. А ничего себѣ человѣкъ: не злой и обходительный, и такъ же разсуждаетъ, какъ полтавскій помѣщикъ: „Посудите, говоритъ, сами: чѣмъ же я виноватъ, что у крестьянъ нѣтъ земли? Вѣдь я чужого не трогаю; земля — моя собственность“.

Вотъ тутъ-то именно, въ этомъ одномъ словѣ *соб-*

ственность и кроется все дѣло. Если мы согласимся, что земля его собственность, тогда онъ конечно правъ; тогда онъ можетъ смѣло сгонять съ нея крестьянъ, сталкивать ихъ хоть въ море, а свою землю заселять овцами. Многіе такъ теперь и думаютъ; многіе полагаютъ, что земля можетъ принадлежать одному человѣку, можетъ быть обращена въ его вѣчную собственность. Да не только многіе, почти всѣ такъ думаютъ, даже и мужики. Въ каждой деревнѣ найдутся крестьяне, скупающіе землю въ свою собственность: кто десятинъ восемнадцать приберетъ къ рукамъ, а кто и всѣ сорокъ или пятьдесятъ; словомъ, кто сколько сможетъ. А сосѣди, глядя на нихъ, думаютъ, каждый про себя: „Эхъ, кабы и мнѣ удалось такъ-то!“ Рѣдко кому придетъ на мысль, какое это злое и несправедливое дѣло: собственность на землю; рѣдко, кто понимаетъ, что здѣсь-то именно и кроется причина всѣхъ бѣдъ, въ этихъ двухъ словахъ: *собственность на землю.* Это рѣдко кто понимаетъ; всѣмъ кажется, — что такъ тому и слѣдуетъ быть. Вотъ когда какой-нибудь богатый помѣщикъ лишитъ сразу всю деревню выгона или покоса, или повыситъ вдругъ аренду, тогда мужики начинаютъ разводить руками: какъ же такъ? да какъ же намъ теперь жить? А имъ говорятъ: „Да что же такого случилось? Развѣ я не собственникъ? Развѣ я не могу распоряжаться своимъ добромъ?“ — И мужики не знаютъ тогда, что отвѣтить: вѣдь дѣйствительно ничего не случилось новаго. Прежде богатый помѣщикъ владѣлъ тысячью десятинъ земли и теперь владѣетъ тысячью десятинъ земли; прежде ихъ односельчанинъ Прохоровъ владѣлъ заимкой въ девяносто десятинъ земли и теперь владѣетъ этой заимкой; и никто не находитъ въ этомъ ничего удивительнаго; всякій хотѣлъ бы даже самъ быть такимъ собственникомъ. Ну,

вотъ теперь собственникъ и согналъ ихъ со своей земли: Идите, куда хотите; мнѣ до васъ дѣла нѣтъ; развѣ я не могу распоряжаться своимъ добромъ?

„Такъ-то оно такъ“, опять повторяютъ мужики; да только вѣдь и намъ плохо...“

— Да отчего же вамъ плохо-то?

— „Да вѣдь какъ же намъ жить безъ земли?“

— А! Вотъ оно что. Такъ ужъ надо, друзья, выбирать одно изъ двухъ: или всѣмъ вмѣстѣ владѣть землей, всѣмъ міромъ, всѣмъ народомъ, такъ чтобы у всякаго была земля, кто хочетъ работать, или же отдать землю въ вѣчную собственность тому, кто захватилъ ее въ свои руки, пустить ее на продажу, какъ всякій другой товаръ. Либо одно, либо другое, а соединить то и другое вмѣстѣ никакъ нельзя. Еслибы весь русскій народъ самъ распоряжался всей русской землей, какъ своей общей кормилицей, то тогда ужъ никому не пришлось бы имѣть въ своихъ рукахъ не только тысячи, но даже и сотни десятинъ; тогда уже не было бы ни помѣщиковъ, ни Прохоровыхъ; тогда каждый имѣлъ бы столько земли, сколько онъ можетъ осилить своимъ трудомъ, но не больше этого. А если земля разобрана, какъ теперь по рукамъ, въ вѣчную собственность, по сотнямъ да по тысячамъ десятинъ, то откуда же взять ее еще и для васъ, для всѣхъ русскихъ крестьянъ-землепашцевъ? Тогда вамъ уже нѣтъ мѣста на бѣломъ свѣтѣ; тогда вы всѣ въ рукахъ у землевладѣльцевъ. Выгодно ему сдавать землю въ аренду, вы еще коекакъ проживете; а выгоднѣй ему завести машины или обратить пашни въ кормовые луга, такъ вотъ онъ и прогонитъ васъ. Это и значитъ: *собственность на землю.* Это надо хорошо понять; въ этой собственности и заключается вся ваша бѣда.

Плохо живется крестьянамъ; это всѣ знаютъ, а

лучше всего сами крсстьяне; а отчего имъ плохо живется, это мало кто понимаетъ, а меньше всего опять-таки сами крестьяне. Со всѣхъ сторонъ только и слышишь жалобы на то, что у крестьянъ мало земли, что имъ некуда податься. Можно подумать, что и въ самомъ дѣлѣ ужъ очень тѣсно стало на Руси; а кругомъ, куда ни посмотришь, тянутся на сотни верстъ частновладѣльческія земли и казенныя пустоши. У насъ, если даже выкинуть Сибирь и холодныя сѣверныя губерніи, то на каждыя сто десятинъ придется круглымъ счетомъ только по тридцати жителей; а вотъ во Франціи, напримѣръ, на каждыя сто десятинъ приходится по восьмидесяти человѣкъ жителей, да и то крестьяне живутъ тамъ гораздо богаче, чѣмъ въ Россіи. Значитъ, дѣло не въ тѣснотѣ; земли на Руси хватило бы на всѣхъ, если бы она не была захвачена въ собственность, еслибы ею могли пользоваться всѣ земледѣльцы. А то однимъ тѣсно, а другимъ такъ даже очень просторно. Мужицкая семья тѣснится на двухъ-трехъ десятинахъ, а семья какого-нибудь графа Орлова-Давыдова или купца Разуваева раскинулась одна на многихъ тысячахъ десятинъ. А почему такъ? Потомучто землю можно обращать въ вѣчную собственность. Разъ только это дозволено, то дѣло придетъ непремѣнно къ тому, что въ однѣхъ рукахъ соберется много земли, а у всего народа не останется ни выгоновъ, ни покосовъ, ни даже запашки, чтобы не умереть съ голода.

Вотъ хоть бы взять для примѣра того же Прохорова. Сначала онъ занимался мелкой торговлей, скупалъ шерсть и прочее; а потомъ, сколотивъ небольшой капиталецъ, сталъ скупать землю, и вотъ теперь у него уже цѣлая заимка въ девяносто десятинъ. Но на этомъ дѣло не остановится. У него девяносто десятинъ, а рядомъ съ нимъ живутъ кре-

стьяне совсѣмъ безъ земли; слѣдовательно, они должны идти къ нему на работу. Каждый рабочій напашетъ, насѣетъ, накоситъ и нажнетъ ему, скажемъ, на сто рублей, а заплатитъ онъ ему всего пятьдесятъ, а другіе пятьдесятъ останутся у него въ карманѣ; если скинуть изъ нихъ рублей десять на сѣмена, удобреніе, починку и прочее, то съ каждаго наемнаго рабочаго Прохорову очистится сорокъ рублей прибыли; а онъ нанимаетъ пятнадцать или двадцать рабочихъ; значитъ, у него шестьсотъ или восемьсотъ рублей чистой прибыли. Его рабочіе только прокормятся, да и то съ грѣхомъ пополамъ, а онъ будетъ откладывать деньги. А отчего такъ? Отъ того, что у него въ рукахъ земля. Однако же одна земля не родила бы сама ему денегъ; къ землѣ нужно приложить рабочія руки; но и рабочія руки однѣ не прокормятъ безземельнаго мужика: ему нужна земля. Вотъ онъ и долженъ идти на работу къ землевладѣльцу. А тому только этого и надо. Если бы мужикъ работалъ на своей землѣ, онъ получилъ бы за свою работу сполна все, что даетъ земля, безъ всякаго вычета. Но теперь онъ работаетъ на Прохорова, а Прохоровъ даетъ ему не весь доходъ, который приноситъ земля, а только половину, а другую половину оставляетъ себѣ, не за свою работу, потому что Прохоровъ самъ теперь ужъ не работаетъ, а за то, что онъ собственникъ земли.

Благодаря тому, что онъ собственникъ земли, онъ заставляетъ работать на себя безземельныхъ крестьянъ и получаетъ съ нихъ прибыль; а съ этой прибыли онъ богатѣетъ, наращиваетъ свой капиталъ и, слѣдовательно, можетъ прикупить еще и еще земли. А чѣмъ больше у него будетъ земли, чѣмъ больше безземельныхъ крестьянъ онъ можетъ заставить работать на себя и тѣмъ больше получитъ съ нихъ

прибыли. Такъ и пойдетъ это безъ конца, пока у него не соберутся тысячи десятинъ.

Пока у Прохорова не было земли, онъ ѣздилъ по деревнямъ, скупалъ шерсть, отвозилъ шерсть въ городъ, привозилъ изъ города нужные для крестьянъ товары, словомъ, хлопоталъ, трудился по своему. Положимъ, что и тогда дѣло не обходилось безъ обмана и прижимокъ: кого обвѣситъ, а у кого возьметъ шерсть за полъ-цѣны, если знаетъ, что мужику нужны деньги на подати; такъ что и въ то время Прохоровъ наживалъ деньги только наполовину трудомъ, а наполовину мошенничествомъ; но все же тогда Прохоровъ не могъ заставить мужиковъ работать на себя. Для этого ему надо было купить землю, то-есть такую вещь, *безъ которой рабочему человѣку нельзя обойтись.* Вѣдь люди живы только трудомъ, своимъ или чужимъ. Чтобы не умереть съ голода и холода, человѣкъ долженъ работать, а для работы ему нужна земля или что добывается изъ земли: лѣсъ, ленъ, хлопокъ, желѣзо, то-есть опять-таки земля. А земля обращена въ собственность. Собственникъ можетъ дать землю, а можетъ и не дать земли. Значитъ, въ его рукахъ жизнь и смерть рабочихъ людей. Вотъ онъ и даетъ мужикамъ землю, позволяетъ имъ работать на ней, но только беретъ съ нихъ за это половину или двѣ трети того, что они выработаютъ своимъ трудомъ; и мужики должны на все соглашаться, потому что имъ нельзя обойтись безъ земли.

А еслибы землю не позволено было ни продать, ни купить, не позволено было обращать въ свою собственность; еслибы земля принадлежала всему народу, какъ общая мать-кормилица, то тогда не было бы и такой власти одного человѣка надъ другими людьми; тогда Прохоровъ не могъ бы заставить крестьянъ работать на себя; тогда каждый работалъ-бы

на свою семью, а не пошелъ бы работать на другихъ; тогда никто не могъ бы жить и богатѣть чужимъ трудомъ, загребать жаръ чужими руками.

Такъ вотъ оно что значитъ *собственность на землю.* Это значитъ собственность на чужой трудъ. Одна земля сама не родитъ хлѣба; безполезно было бы и владѣть ею. Но кто владѣетъ землею; тотъ все держитъ въ своихъ рукахъ. Это все равно, какъ еслибы кто-нибудь могъ запереть всю воду и положить ключъ въ карманъ. Люди стали бы мучиться безъ воды, а онъ-бы сказалъ имъ: „Работайте на меня; тогда дамъ вамъ воды; а не хотите — дѣло ваше, я васъ не неволю." Такъ и всякій землевладѣлецъ принуждаетъ крестьянъ работать на себя тѣмъ, что держитъ въ своихъ рукахъ землю. Онъ самъ ничего не дѣлаетъ, а на него работаютъ сотни людей, у которыхъ нѣтъ земли. Онъ собираетъ богатство, а они еле кормятся. Откуда же у него собирается богатство? Ясное дѣло, что изъ чужого труда. Еслибы каждый земледѣлецъ работалъ на самого себя, это богатство распредѣлялось бы по многимъ рабочимъ семьямъ; теперь-же рабочія семьи получаютъ только на свой скудный прожитокъ, а все остальное богатство, добытое ихъ трудомъ, идетъ къ владѣльцу земли.

— „Но вѣдь онъ купилъ землю," скажутъ умные люди, „а потому и долженъ выручать свои деньги."

— Вотъ въ томъ-то и вся бѣда, что онъ могъ купить землю, отвѣтимъ мы, а потому и выручаетъ съ нея не только свои деньги, но еще и наживаетъ новыя. Положимъ, что онъ купилъ землю на свои деньги, а не досталась она ему даромъ, какъ многимъ дворянамъ; положимъ даже, что онъ купилъ ее на деньги, нажитыя честнымъ трудомъ, а не обманомъ, какъ у Прохорова, напримѣръ, и положимъ, что онъ заплатилъ за нее тысячу рублей. Но вотъ онъ на-

чинаетъ потомъ сдавать эту землю въ аренду и сдаетъ ее въ теченіи двадцати лѣтъ, по пятидесяти рублей въ годъ; значитъ онъ получитъ всей арендной платы тоже тысячу рублей; но потомъ онъ можетъ снова продать свою землю за прежнюю цѣну и получить за нее еще тысячу рублей. Значитъ, всего онъ получитъ за свою землю двѣ тысячи рублей, а купилъ ее только за тысячу. Откуда же взялась у него другая тысяча? Вѣдь не съ неба же она свалилась ему. Вотъ эта другая-то тысяча и берется землевладѣльцемъ изъ чужого труда, отнимается имъ у тѣхъ тружениковъ, которые обработываютъ его землю, а получаютъ за это на одно скудное пропитаніе. Значитъ, умные люди разсуждаютъ неправильно, когда толкуютъ о томъ, что землевладѣлецъ только выручаетъ свои деньги. Его деньги при немъ и остались; онъ только обмѣнялъ ихъ на землю, а потомъ, когда захочетъ, можетъ снова обмѣнять землю на деньги. Дѣло значитъ не въ этомъ; а дѣло въ томъ, что тотъ, кто скупаетъ землю, тотъ наживается и богатѣетъ не своимъ, а чужимъ трудомъ, потому что заставляетъ другихъ работать на себя; а можетъ онъ это дѣлать потому, что земля необходима всѣмъ людямъ, а онъ забираетъ ее одинъ въ свои руки.

II

Такъ вотъ что такое собственность на землю. Повторяемъ, что это значитъ собственность на чужой трудъ. Одни работаютъ, а другіе отбираютъ у нихъ треть или половину того, что они вырабатываютъ, а иногда и двѣ трети; словомъ, сколько захотятъ, потому что безземельный крестьянинъ на все долженъ согласиться. И такъ это идетъ изъ года въ годъ.

Впрочемъ, прежде было еще хуже того. Прежде помѣщики владѣли не только землею, но и самими крестьянами. Такъ и говорилось тогда: у такого-то помѣщика пятьдесятъ крестьянскихъ душъ, а у такого-то пятьсотъ крестьянскихъ душъ. Помѣщики могли продавать своихъ крестьянъ или обмѣнивать ихъ на борзыхъ собакъ; могли разлучать отцовъ и матерей съ дѣтьми. А, главное, могли вытягивать изъ нихъ всю рабочую силу. Тогда крестьянъ гоняли на барщину кнутомъ; тогда помѣщикъ могъ заморить своего мужика на работѣ и могъ засѣчь его розгами. Это было прямое рабство и называлось оно крѣпостнымъ правомъ. Долго оно тянулось на Руси; около трехсотъ лѣтъ. Но наконецъ должно было исчезнуть съ лица русской земли. Во первыхъ многіе честные и справедливые дворяне сами стали добиваться уничтоженія крѣпостного права, а во вторыхъ и крестьяне не могли уже дольше терпѣть: все чаще и чаще крестьяне стали убивать жестокихъ помѣщиковъ и жечь ихъ усадьбы. Можно было опасаться всеобщаго крестьянскаго бунта. Вотъ тогда-то и произошло освобожденіе крестьянъ, 19 февраля 1861 года. Но какъ оно произошло? Вотъ въ чемъ вопросъ.

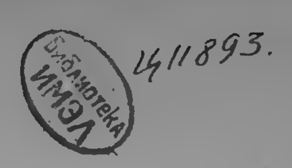
Крестьяне часто называютъ своимъ освободителемъ царя Александра Второго. И точно, онъ помогъ этому освобожденію; безъ него дѣло могло бы еще дольше затянуться. Но не надо забывать и того, что удерживать тогда крѣпостное право стало уже опасно; крестьянство начало повсюду сильно волноваться. Царь самъ сказалъ въ Москвѣ помѣщикамъ, что надо спѣшить освободить крестьянъ сверху, пока они сами не освободили себя снизу. Слѣдовательно, прямая необходимость заставила тогда царя согласиться на отмѣну крѣпостного права; а пока этой необходимости не было, наши цари не очень-то торопились. Еще при императрицѣ Екатеринѣ Второй, за сто лѣтъ передъ тѣмъ, молодой дворянинъ Александръ Радищевъ напечаталъ книгу, въ которой описывалъ страданія крестьянъ и требовалъ отмѣны рабства. Екатерина Вторая велѣла сжечь эту книгу, а Радищева сослала въ Сибирь. Немного позже другой писатель, Николай Новиковъ, также сталъ сурово осуждать крѣпостное право, за что и былъ посаженъ императрицей въ Шлиссельбургскую крѣпость. Вотъ какихъ людей долженъ прежде всего вспоминать русскій народъ; вотъ кто первые подняли голосъ въ его защиту, и ихъ голосъ не пропалъ даромъ; ихъ мысли стали все больше и больше расходиться среди русскихъ людей; при Александрѣ Первомъ, внукѣ Екатерины, уже многіе дворяне начали стыдиться того, что владѣютъ крестьянами, и рѣшили добиться во что бы то ни стало отмѣны въ Россіи крѣпостного права и царскаго самовластія.

Въ началѣ своего царствованія царь Александръ Первый самъ хотѣлъ этого, но долго откладывалъ, а потомъ и вовсе раздумалъ. Подъ конецъ жизни онъ все управленіе передалъ въ руки жестокаго графа Аракчеева, который засѣкалъ до смерти солдатъ и

мучилъ своихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Тогдѣ тѣ лучшіе дворяне, о которыхъ мы говорили, составили тайный уговоръ между собою. Среди нихъ были военные, полковники и генералы. Когда умеръ Александръ Первый, они вышли со своими полками на Сенатскую площадь и не хотѣли присягать новому царю Николаю Первому, пока тотъ не подпишетъ манифеста объ освобожденіи крестьянъ съ землей и о созывѣ выборныхъ отъ всего народа на Земскій Соборъ.

Новый царь не хотѣлъ и слышать объ этомъ. Въ первую минуту онъ было испугался; но его поддержали другіе дворяне и генералы, которые желали, чтобы все оставалось по старому. Тогда царь вывелъ на площадь другіе полки и велѣлъ стрѣлять картечью въ тѣхъ, которые требовали освобожденія крестьянъ и созыва всенароднаго Земскаго Собора. Народныхъ защитниковъ было меньше, и враги народа одолѣли ихъ. Нѣкоторые изъ нихъ были убиты, а остальные арестованы. Потомъ началась царская расправа. Пятеро самыхъ смѣлыхъ народныхъ защитниковъ были приговорены къ смертной казни, а около ста человѣкъ сосланы въ Сибирь въ каторжныя работы. Казнены были: Кондратій Рылѣевъ, Павелъ Пестель, Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ, Михаилъ Бестужевъ, Петръ Каховскій. Русскій народъ долженъ чтить память этихъ смѣлыхъ людей, которые, вслѣдъ за Радищевымъ и Новиковымъ, не побоялись громко потребовать отмѣны рабства въ Россіи и сложили за это свои головы. Дѣло на сенатской площади произошло 14 декабря 1825 года; поэтому всѣхъ, кто участвовалъ въ этомъ дѣлѣ, называютъ декабристами.

Послѣ расправы съ защитниками народа, царь Николай Первый до самой своей смерти, то-есть до

Библиотека ИМЭЛ
Ц11893.

1855 года, въ теченіи тридцати лѣтъ, поддерживалъ крѣпостное право. Во все это время никто не смѣлъ даже заговорить объ освобожденіи крестьянъ; за всякое сказанное и написанное слово объ этомъ ссылали въ Сибирь или сдавали въ солдаты, а крестьянъ засѣкали плетьми. Но человѣческую мысль и человѣческую совѣсть нельзя запугать никакими угрозами. Разъ она пробудилась, она заставитъ твердаго человѣка идти на всякую опасность. Декабристы, хотя и погибли сами, но ихъ дѣло не погибло. Они пробудили мысль и совѣсть во многихъ другихъ русскихъ людяхъ. Всякій, кто слышалъ о декабристахъ, кто зналъ, что они требовали освобожденья крестьянъ, уже не могъ теперь закрыть глазъ и заглушить въ себѣ совѣсть. Пока не было Радищева, Рылѣева, Пестеля и ихъ товарищей, многіе не замѣчали всей мерзости крѣпостнаго права; многимъ казалось, что такъ тому и быть надлежитъ. Но когда правда была громко высказана, ее нельзя было не знать, отъ нея нельзя было никуда укрыться; нельзя было уничтожить никакими казнями. Не смотря на жестокія мѣры Николая Перваго, подъ конецъ его царствованія не было въ Россіи честнаго человѣка, который не желалъ бы освобожденія крестьянъ. Правда проникла даже въ царскій дворецъ. Наслѣдникъ престола, будущій царь Александръ Второй, также сталъ понимать, что нельзя удержать въ Россіи рабство. Проѣзжая по Сибири, онъ видѣлъ тамъ состарѣвшихся въ ссылкѣ декабристовъ и уже не могъ считать ихъ преступниками. Онъ уже зналъ теперь, что они были правы. Когда умеръ его жестокій отецъ, онъ вернулъ изъ Сибири всѣхъ оставшихся въ живыхъ декабристовъ, а нѣкоторыхъ изъ нихъ сдѣлалъ даже губернаторами.

Да уже и сами крестьяне съ большимъ трудомъ

выносили теперь крѣпостное право; въ послѣдніе годы царствованія Николая Перваго, крестьяне часто стали убивать помѣщиковъ; съ 1835 по 1854 годъ было убито сто сорокъ четыре помѣщика, а это выходитъ на каждый годъ по двадцати девяти помѣщиковъ; часто также совершались поджоги помѣщичьихъ усадебъ; кромѣ того все чаще и чаще случались побѣги; крестьяне убѣгали цѣлыми тысячами; въ 1841 году, изъ одного Бѣлевскаго уѣзда Могилевской губерніи бѣжало до 1000 крѣпостныхъ; въ Курской губерніи готовилось къ побѣгу до двадцати тысячъ крѣпостныхъ изъ сорока шести имѣній. Наконецъ безпрестанно происходили крестьянскіе бунты, причемъ для усмиренія ихъ надо было посылать военныя команды. Въ 1848 году были волненія въ пятидесяти четырехъ имѣніяхъ двадцати семи губерній. Въ 1849 году, въ Курской губерній былъ бунтъ, въ которомъ приняли участіе крестьяне многихъ имѣній въ числѣ десяти тысячъ человѣкъ; въ 1852 году, въ Черниговской и Тамбовской губерніяхъ крестьяне оказали сопротивленіе губернатору и войску. Правительство стало бояться всеобщаго возстанія, второй пугачевщины. Увидѣвъ, что дѣло плохо, Александръ Второй и сказалъ тогда дворянамъ въ Москвѣ, что лучше освободить крестьянъ сверху, чтобы они сами не освободили себя снизу.

Но вотъ совершилось наконецъ освобожденіе крестьянъ. Но какъ же оно совершилось? Дворяне отказались отъ своихъ правъ на крестьянскія души; но они потребовали за это, чтобы у нихъ осталась земля. Сначала дворяне требовали даже, чтобы крестьяне были освобождены совсѣмъ безъ земли; но царь не согласился на это: откуда же мужики брали бы тогда деньги ему на подати? Но все же дворянское дѣло было ближе царскому сердцу, чѣмъ

дѣло крестьянское, а потому царь согласился оставить за помѣщиками всѣ лучшія земли, а крестьянамъ нарѣзать надѣлы только на однѣ подати, да еще заставилъ ихъ выкупать эти надѣлы по дорогой цѣнѣ. Вотъ тутъ-то и сказалось, о комъ больше заботился царь: о мужикахъ или о дворянахъ; и кто долженъ больше благодарить его: мужики или дворяне.

Почему же дворянамъ была оставлена земля? На какомъ основаніи? Встарину цари раздавали дворянству крестьянъ съ землею, вмѣсто жалованья. Тогда всѣ дворяне должны были нести до самой старости военную службу, и вотъ имъ, для ихъ прокормленія, отводили населенныя земли. Но съ теченіемъ времени цари освободили своихъ дворянъ отъ воинской повинности и переложили эту повинность только на однихъ крестьянъ; а дворяне стали съ тѣхъ поръ служить по своему желанію, въ офицерахъ, и получали за это жалованье. Но освободивъ дворянъ отъ солдатской службы, цари не отобрали у нихъ крестьянъ съ землею; дворяне попрежнему стали владѣть крѣпостными, хотя уже и не отбывали больше воинской повинности. Такимъ образомъ всѣ тягости перешли теперь на однихъ крестьяъ: и кормленіе помѣщиковъ, и царскія подати, и воинская повинность; дворяне же стали жить въ праздности на мужицкій трудъ. Такова была любовь къ народу русскихъ царей.

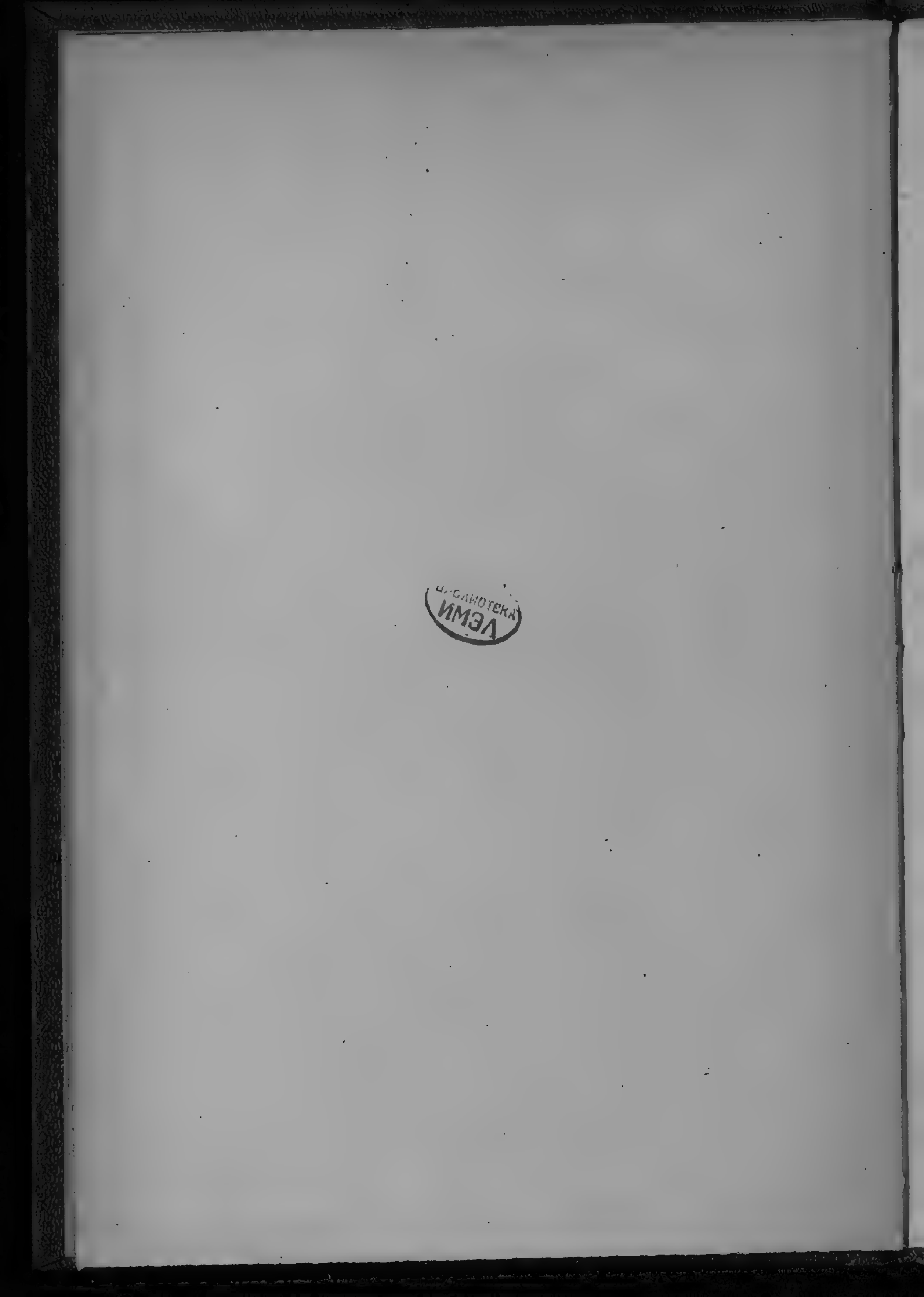
Но вотъ явился наконецъ царь, который понялъ, что нельзя держать вѣчно въ рабствѣ крестьянъ и что надо освободить ихъ отъ помѣщиковъ, отмѣнить крѣпостное право. Но какъ же онъ это сдѣлалъ? А вотъ какъ: онъ объявилъ мужикамъ волю, но оставилъ помѣщикамъ землю, чтобы принудить мужиковъ опять работать на нихъ. Освобождая одною рукой крестьянъ,

онъ другою рукой прикрѣпилъ ихъ къ помѣщикамъ не хуже прежняго. Не захотѣлъ, видно царь, обидѣть своихъ милыхъ дворянъ; онъ не только оставилъ имъ лучшую землю, а крестьянамъ нарѣзалъ голодные надѣлы, но еще заставилъ ихъ выкупать эти голодные надѣлы, причемъ выкупные деньги пошли также въ пользу помѣщиковъ. При такомъ освобожденіи, крестьяне попали изъ огня да въ полымя. Теперь ихъ стали тѣснить землей и податями. Земли своей у нихъ мало, а кругомъ помѣщичья земля; вотъ и идетъ голодный крестьянинъ наниматься къ помѣщику въ батраки или беретъ у него землю въ аренду и работаетъ на него всю жизнь, такъ же, какъ прежде, при крѣпостномъ правѣ. Вотъ вамъ и свобода; вотъ вамъ и царская правда да милость народу.

Собственность на землю — такое же крѣпостное право. Кто владѣетъ землей, тотъ все держитъ въ своихъ рукахъ. Пока земля будетъ оставаться у дворянъ да у богатыхъ купцовъ, которые скупаютъ теперь дворянскія земли, до тѣхъ поръ народъ не будетъ свободенъ; до тѣхъ поръ онъ будетъ обязанъ работать на землевладѣльцевъ. Русскіе крестьяне пока еще не свободны.

Та воля, которую имъ объявили въ 1861 году — не настоящая воля. Дѣло сдѣлано только наполовину; настоящая воля будетъ у русскаго народа тогда, когда у него будетъ земля, когда русская земля выйдетъ изъ рукъ помѣщиковъ и купцовъ и будетъ обращена въ общее владѣніе. Надо, чтобы никто не могъ ни купить, ни продать земли, чтобы никто не могъ пользоваться землей, если онъ не обработываетъ ее самъ, своимъ трудомъ. Теперь цари и богатые землевладѣльцы не хотятъ и слышать объ этомъ; теперь они всѣхъ, кто говоритъ и пишетъ объ этомъ,

ссылаютъ въ Сибирь. Но было время, когда цари и помѣщики не хотѣли слышать и объ отмѣнѣ крѣпостного права; было время, когда они ссылали въ Сибирь тѣхъ, кто говорилъ и писалъ, что дворяне не вправѣ покупать и продавать крестьянъ, какъ рабочую скотину. Но вотъ поднялись смѣлые голоса, заволновалось крестьянство, и крѣпостное право рухнуло. Также будетъ и съ землей. Уже и теперь смѣлые люди не боятся говорить народу правду и разъяснять ему истину; уже и теперь нѣкоторые рабочіе и крестьяне начинаютъ понимать въ чемъ дѣло; а когда многіе изъ нихъ поймутъ это, — тогда заволнуется опять весь трудящійся народъ и потребуетъ своихъ правъ. Тогда только и получитъ русскій народъ настоящую волю.

ИМЭЛ

ОПЕЧАТКИ.

страница:	строка:	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
5	17-я снизу	молоземелья	малоземелья
8	8-я снизу	землевладѣльцевъ	землевладѣльца
9	11-я сверху	го тридцати	по тридцати
9	14-я сверху	гоpалдо	гораздо
10	2-я сверху	къ нему	къ нему
10	5-я сверху	пвтьдесятъ	пятьдесятъ
18	5-я сверху	по двадцати девяти	по семи